

Благодарности

Возможно, я бы не занялась вопросами тела, личности и эмоциональной этики, если бы Джули Ливингстон не была моей коллегой по Ратгерскому университету с 2003 по 2015 год. Ее исследования, стимулирующие идеи и живой интеллект дали мне смелость попробовать свои силы в областях, находящихся далеко за пределами моей зоны комфорта. Один из самых ранних [и самых запутанных] фрагментов этого исследования я представила на семинаре Центра исторического анализа Ратгерса по вернакулярным эпистемологиям, который она проводила совместно с Индрани Чаттерджи в 2010 году. Страстная увлеченность Мередет Туршен вопросами женского здоровья в Африке и чуткое и тонкое внимание Оуссейны Алиду к жизни женщин в Нигере также способствовали росту моего интереса к темам этой книги. Позже на исторический факультет Ратгерса пришла Джоанна Шоен, которая внесла свой вклад в этику репродуктивного здоровья, а также безграничный энтузиазм и безоговорочную поддержку, когда моя энергия начала иссякать. Кроме того, она принесла шоколад. Несравненная Дороти Ходжсон, моя соратница на всем пути, мягко подталкивала меня во время многих обедов, ужинов и, да, бокалов вина. Многочисленные аспиранты помогали мне в этой работе на протяжении всего периода ее подготовки: Йоханна Йохумсдоттир, Кристина Чикнас, Дейл Бут, Тейлор Мур и Хилари Бакстон. Эта книга — квинт-эссенция сотрудничества всех причастных к деятельности университета Ратгерса.

Также это книга «Новых направлений Меллона». Трудно передать мою искреннюю благодарность Фонду Меллона за то, что он

поверил в мой проект и помог мне пережить несколько очень трудных лет. Фонд Меллона неизменно оказывает поддержку ученым, стремящимся к фантазийным и рискованным начинаниям, выходящим за рамки их первоначальной подготовки. В течение года меня принимали в Офисе демографических исследований в Принстоне, где мне посчастливилось учиться у Тома Эспеншейда, Джима Трюсселя, Бетси Армстронг, Ноэля Камерона и Кита Хансена. Интенсивный летний курс подготовки акушеров в Школе сестринского дела при Пенсильванском университете с Барбарой Рил и Кейт Макхью укрепил мою уверенность в том, что акушерки — самые замечательные люди на планете. Во Франции целый ряд оживленных исследовательских институтов предоставили мне доступ к своим библиотекам и возможность обмениваться идеями с исследователями, практиками и учеными: Национальный институт демографических исследований, Центр народонаселения и развития Парижского университета Декарта, Центр исследований Черной Африки при Университете Бордо.

Грант Фонда Меллона также позволил мне начать работу со специалистами в Нигере, которые могли бы сориентировать меня в исследованиях по проблемам населения, здравоохранения и репродукции в Ниамее. Особое значение для получения представления о существующих исследованиях нигерийских специалистов в области общественного здравоохранения имела мадам Абдулайе Амина, которая предоставила мне доступ в Библиотеку Национальной школы общественного здоровья Ниамея, где хранится множество диссертаций, на которые я ссылаюсь в этой книге. Зейнабу Хадари из Центра Рейн Даура сыграла важную роль в том, что мне удалось установить контакт с сетями женщин-активисток и НПО, которые также связаны с моим исследованием. Ее дружба, гостеприимство и приверженность моему проекту как ученого и активиста в области женского образования были бесценны. Айссата Сидику из Координирующего совета неправительственных организаций и ассоциаций женщин Нигера и Ассоциации женщин-юристов Нигера приняла меня в ряды динамичной женской сети в Ниамее.

Важность моей работы с Хавой Кепине из Ассоциации женщин-юристов Нигера во время академического отпуска стала очевидна на протяжении создания всей книги; я стала считать ее своей мудрой сестрой в стремлении понять реалии жизни женщин в Нигере. Благоприятная атмосфера Лаборатории исследований социальных динамик и местного развития стимулировала меня начиная с самых ранних этапов этого исследования. Именно там я познакомилась с ныне покойной Хадизой Мусса. Мне посчастливилось воспользоваться результатами ее фундаментального исследования бесплодия и использования контрацептивов в Ниамее «Entre Absence et Refus d'Enfant». Хадиза погибла в дорожной аварии в конце 2013 года к огромной скорби ее многочисленных друзей, коллег и поклонников. Ее выдающиеся исследования неизмеримо обогатили эту книгу. Махаман Тиджани Алу, Жан-Пьер Оливье де Сардан, Аисса Диарра и многие другие на разных этапах работы над проектом высказывали ценные идеи и предложения.

Как это часто бывало в прошлом, я нашла интеллектуальный приют в Институте исследований в области гуманитарных наук в Ниамее, которым руководит Абду Бонтиани. Я регулярно навещала Сейни Мумуни в его кабинет в институте, где он был готов выслушать меня и поддержать в качестве коллеги-историка. В разные моменты моя дорогая подруга по Бостонскому университету Сью Розенфельд не только делилась своим кровом, но и шутила, помогая мне в исследованиях. Немногие друзья готовы проводить еженедельные уроки игры на джембе и угощать *сибу джен*¹. Кэролайн Андерсон Агальхейр предоставила нам с дочерью дом со всеми удобствами, включая йогу, просмотр «Аббатства Даунтон» и возможность поиграть в Just Dance.

Зачастую найти время для написания отчета о своем исследовании так же сложно, как и провести само исследование и полевую работу. Две стипендии с проживанием позволили мне получить доступ к библиотекам и архивам Франции и — что, возможно, более важно — найти время, чтобы думать и писать.

¹ Рыба с рисом и овощами (сенегальск.). — Примеч. пер.

Я благодарна Алану Робертсу за то, что он сделал возможным волшебный семестр, в течение которого я вместе с моей дочерью Рейчел училась в Экс-ан-Провансе в Институте для американских университетов [IAU College] в 2014 году. Пока моя дочь училась рисовать в Школе изобразительных искусств им. Марчуца при IAU, я изучала документы в Национальном архиве Франции и готовила материал для двух глав. Для написания этой книги весной 2015 года я также получила стипендию в Парижском институте перспективных исследований [Франция] при финансовой поддержке французской государственной программы *Investissements d'avenir*, осуществляемой Национальным агентством исследований. Семестр, проведенный под руководством Гретти Мюрдаля в великолепном отеле *Hôtel de Laurin*, обеспечил мне непревзойденную библиографическую поддержку, великолепные обеды, стимулирующие дискуссии с коллегами [в том числе с Нэнси Хант] и манящий вид на Сену.

В течение этого года мне также удалось лучше узнать некоторых ученых Центра народонаселения и развития, в частности Дорис Бонне, чьими работами я восхищаюсь. Я начала плодотворно сотрудничать с Катрин Баруан в работе над сборником статей, посвященных теме стыда в Сахеле; этот проект значительно расширил мои представления и познакомил меня с работами многих других французских и западноафриканских ученых. Во время поездок по Парижу мои друзья Анн Гюгон, Паскаль Бартеlemi, Одиль Гоерг, Тамара Жиль-Верник, Майра Желен и Камилла Лефевр всегда были готовы оказать мне теплый прием и дать передышку от работы с документами и архивами. Я особенно благодарна Кристель Таро за стимулирующие беседы об исламской Африке и за то, что она сопровождала меня на многие киносеансы в окрестностях Сен-Мишеля.

Это во многом синтетическая работа, объединяющая идеи, разбросанные в исследованиях множества различных этнических групп в самых разных условиях: Сьюзан Расмуссен о женщинах-туарегах в Нигере, Мохамеда Аг Эрлесса о туарегах Кель-адаг в Мали, Пола Рисмана о фулани в Буркина-Фасо, Жан-Пьера Оливье де Сардан о сонгай в Нигере, Пола Столлера о зарма

в Нигере, Аделин Маскелье о женщинах и молодежи маури в Нигерии, Элиша Ренне о хауса и йоруба в Нигерии, Дорис Бонне о мосси в Буркина-Фасо. Мюррей Ласт щедро поделился опубликованными и неопубликованными работами, которые помогли мне осмыслить терапию народа хауса, а Эрин Петтигрю подарила мне свою замечательную диссертацию о мусульманском врачевании в Мавритании. Моя роль как историка заключается в том, что я набралась смелости и попыталась объединить темы этого богатого труда, не ограничиваясь национальными границами. Других вряд ли можно винить в неудачах, которые могли стать результатом этой смелости.

В итоге я опубликовала значительную часть своей работы в виде статей и глав — в форме «резюме» для политической аудитории — вместо того чтобы пытаться объединить все это в книгу, ориентированную на историков. Мало что из этой работы повторяется здесь, но процесс получения отзывов от редакторов и внешних читателей был чрезвычайно полезен. Читатели полной рукописи, подготовленной для издательства Indiana University Press, также дали мне важные указания. Спасибо вам, невидимые друзья. Джули Ливингстон и Йоханна Шоен прочитали полный текст рукописи и оказали неоценимую помощь и поддержку.

Больше всего меня поддерживали мои дочери Кара и Рейчел Миллер, которые пережили множество взлетов и падений на трех континентах. Мои сильные и внимательные девочки — вот мое бесчисленное благословение. Эта книга — для них.

Этнонимы, иностранные термины и аббревиатуры

Этнонимы

Белла (также бузу): носители языка тамашек, чьи семьи исторически были пленниками свободнорожденных туарегов.

Фулани (также фульбе или пеул): свободнорожденные носители языка фульфульде.

Хауса: носители языка хауса.

Канури (также бери бери): носители языка канури.

Римаибе: носители языка фульфульде, чьи семьи были захвачены в плен общинами фулани.

Зарма (также джерма, зерма, сонрай, сонгай): носители зарминского диалекта сонгайских языков.

Туарег (также кель тамашек): свободнорожденные носители тамашекского языка.

Тубу: носители языка тубу (близкородственного канембу).

Иностранные термины и выражения

Afrique Occidentale Française (AOF): Французская Западная Африка — федерация территорий, захваченных Францией в Западной Африке [включая Сенегал, Мавританию, Мали, Нигер, Буркина-Фасо (бывшая Верхняя Вольта), Бенин, Гвинею и Кот-д'Ивуар], управляемая из Дакара.

Al-azl (ар.): выведение перед эякуляцией.

Assesseeur (фр.): советник судьи во французских судах, предоставляющий информацию об обычной практике.

Corvée (фр.): обязательная рабочая сила, поставляемая для колониальных проектов или колониальным властям.

Entourage (фр.): семья и близкие друзья, особенно те, с кем советуются в контексте медицинских вопросов.

Justice indigène (фр.): развивающаяся судебная система для коренного населения под французским владычеством.

Kafiri (ар.): язычник, немусульманин, поработитель.

Kunya (хауса): аффективный комплекс стыда, сдержанности, скромности и чести.

Lycée (фр.): последняя средняя школа во французской системе образования.

Matrone (фр.): пожилая женщина, помогающая другим женщинам при родах, нанятая для оказания помощи в рамках французской медицинской системы.

Métis/métisse (фр.): человек смешанного европейского и африканского происхождения.

Prestation (фр.): обязательный налог на труд.

Qadi (ар.) или *kadi* (хауса): мусульманский судья, назначаемый местным правителем.

Sage-femme (фр.): акушерка, прошедшая биомедицинскую подготовку.

Tirailleurs (фр.): африканские солдаты, служившие во французской колониальной армии.

Tribunaux du premier degré (фр.): суды низшего и местного уровня в рамках судебной системы, созданной французами.

Zina (ар.): блуд, внебрачная связь.

Акронимы

ACT. Ассоциация традиционных вождей (Association des Chefs Traditionnels).

AFJN. Ассоциация женщин-юристов Нигера (Association des Femmes Juristes du Niger).

AFN. Ассоциация женщин Нигера (Association des femmes du Niger).

AGEFOM. Французское экономическое агентство за рубежом (Agence Économique de la France d'Outre-mer).

AIN. Исламская ассоциация Нигера (Association Islamique du Niger).

AMI. Медицинская помощь индейцам (Assistance Médicale aux Indigènes).

АОФ. Французская Западная Африка (Afrique Occidentale Française).

ASFN. Ассоциация акушеров Нигера (Association des Sage-Femmes du Niger).

CEDAW. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Convention for the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women).

CONGAFEN. Координация неправительственных организаций и женских ассоциаций Нигера (Coordination des Organisations Non Gouvernementales et Associations Féminines Nigérienne).

CONIPRAT. Комитет по традиционным обычаям Нигера (Comité Nigérien sur les Pratiques Traditionnelles).

CRC. Конвенция о правах ребенка (Convention on the Rights of the Child).

FWA. Французская Западная Африка (Afrique Occidentale Française).

МПЭСКП. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights [ICESCR]).

INSEE. Национальный институт статистики (Institut National de la Statistique).

SIM. Миссия внутренних дел Судана (Sudan Interior Mission).

UFMN. Союз мусульманских женщин Нигера (Union des Femmes Musulmanes du Niger).

UFN. Союз женщин Нигера (Union des Femmes du Niger).

ЮНЕСКО. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization).

UNFPA. Фонд ООН в области народонаселения (United Nations Population Fund).

Введение

Нигер представляет собой поразительный парадокс. Он имеет, пожалуй, самый высокий суммарный коэффициент рождаемости в мире (76 детей на 10 женщин в 2015 году), что делает его одной из немногих стран, в которых с 1980 года рождаемость не снижалась, а росла [Issaka Maga, Guengant 2017: 162]. В то же время он отличается поразительно высокими темпами роста населения (3,9 %); численность населения выросла с примерно 2,5 млн человек в 1950 году до почти 20 млн (19,9 млн, половина из которых — дети до 15 лет) в 2015 году¹. Темпы роста отражают увеличение продолжительности жизни и снижение уровня младенческой смертности, что следует отметить и, по возможности, ускорить [Keenan et al. 2018]. Однако при таких высоких темпах роста здравоохранение, образование и бюрократическая инфраструктура просто не успевают за ними. Как отмечает социолог Иссака Мага Хамиду, численность населения Нигера должна быть на первом месте в политической повестке дня, но этого не происходит². Вместо этого последний скандал

¹ Эти оценки основаны на, по общему признанию, несовершенных данных Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам Отдела народонаселения (World Population Prospects: The 2015 Revision). Можно спорить о деталях прошлых оценок и подвергать сомнению их прогнозы, но общие закономерности несомненны.

² Niger: sleepwalking. Deutsche Welle. 2016. Jan. 3. В 2015 году, выступая на Африканской конференции по развитию, президент Махамату Иссуфу отметил, что темпы роста населения в 3,9 % представляют собой серьезную проблему, и заявил, что для стимулирования демографического перехода Нигер намерен сократить численность населения. Нигер стремится к снижению младенческой смертности и «лучший контроль рождаемости — это экономическое и социальное развитие» [Issoufou 2015: 7].

в столице связан с тем, что видные политические пары, отчаянно нуждающиеся в детях, якобы «купили» детей-близнецов через международную сеть «фабрики младенцев», связывающую Нигерию, Бенин и Нигер [Juompan-Yakam 2014; Abdou Assane 2017].

В этой книге рассматриваются исторические обстоятельства, способствовавшие возникновению такой картины, как высокая рождаемость, высокая бесплодность и институциональная инертность. Я прослежу историю Нигера на протяжении долгого XX века через призму репродуктивности в самом широком смысле: социальном (как общества всех масштабов обеспечивают свое продолжение), материальном (как обеспечивается и используется необходимый для выживания труд) и биологическом (как население, семья или человек физически замещают себя)³. Я рассмотрю все эти смыслы репродукции, поскольку в Нигере они взаимосвязаны. Социальный статус исторически зависит от способности человека привлекать материальные ресурсы за счет труда других людей и передавать этот статус своим детям. На каждое поколение возлагается обязанность воспроизводить наследие прошлого, обеспечивать повседневное существование семьи и рабочей силы в настоящем, рожать детей для продолжения рода. Невыполнение этого долга фактически означает социальную смерть, предательство предков и потомков и угрозу безопасности всего общества [Shipton 2007]. Однако недостаточно просто размножаться — необходимо размножаться в контексте «длинной и широкой истории гендерной и поколенческой борьбы за здоровье, богатство и власть», то есть время и способ беременности имеют большое значение [Thomas 2007: 51] Неправильная репродукция является предметом этических дебатов, гендерного и поколенческого насилия. Женская способ-

³ Классическое рассуждение о сложностях анализа различных смыслов воспроизводства населения см. в работе [Moore 1988]. [Meillassoux 1991] настаивает на важности этого более широкого смысла репродукции для антропологии рабства. Наблюдения за реальными процессами деторождения см. в [Thomas 2007].

ность к деторождению делает женщин уязвимыми как в тех случаях, когда им удастся забеременеть, так и в тех, когда им это не удастся. Впервые я заинтересовалась историей репродукции в широком смысле этого слова во время кризиса вакцинации от полиомиелита в 2003 году, когда распространились слухи о том, что вакцина распространяет ВИЧ и вызывает бесплодие у мусульманских девушек. Почему, задавалась я вопросом, постоянно ходят слухи о якобы наступлении Запада на африканскую фертильность? Почему фертильность — или, точнее, страх перед бесплодием — повторяется в моральных паниках в этом регионе [Renne 1996: 2010]? Мне казалось, что исторический подход к репродукции в Нигере позволит мне обнаружить предшествующий опыт медицинского и политического вмешательства, который может объяснить эту «вакцинальную тревогу» [Leach, Fairhead 2007]. Я также надеялась исправить то, что я считала недостатком своей предыдущей работы по изучению брака в хаусаязычном регионе Марати. Когда я проводила полевые исследования для книги «Брак в Марати» [Cooper 1997], я была относительно молода и не имела детей. Когда опрошенные женщины узнали, что я еще не родила, они пренебрежительно отозвались о моем браке: «Значит, это еще не брак». Я знала, что эта книга должна быть не только о демографии, но и о том, что означают роды для мужчин и женщин Нигера с течением времени, и в ней должны быть затронуты самые разные вопросы — от интимности каждого индивидуального тела до инфраструктуры государства и логики международных НПО.

Аргументы, приведенные в этой книге, опираются, но не повторяют наблюдений, которые я излагала в других работах, посвященных в основном хаусаязычному региону Марати. На демографическую динамику в южной части Нигера огромное влияние оказывает близость к Нигерии, где этнорегиональная конкуренция приобретает значительный религиозный подтекст, поскольку мусульмане на севере соперничают с христианами на юге за политическое превосходство. Несмотря на незначительную численность христианского меньшинства в Нигере, «страх

перед малым числом», который Арджун Аппадурай красноречиво описывает как глобальное явление, в Нигере проявляется в виде стремления различных субпопуляций производить больше детей *относительно друг друга* и сделать размер конкурирующих «общин» видимым, часто через праздничные ритуалы, такие как церемонии наречения детей, которые являются столь заметной частью жизни в Сахеле [Appadurai 2006; Cooper 2010c, 2011]. Иными словами, рождаемость всегда переживается и понимается в сравнении с другими, а это означает, что репродуктивная политика может быть весьма конкурентной в любом масштабе [Johnson-Hanks 2006a]. Такая динамика не обязательно связана с государственными границами, даже если политические условия по обе стороны границы существенно отличаются. Однако демографические данные собираются так, как будто население в пределах этих границ не перемещается, не имеет общих языков и культур, не переносит идеи и практики в процессе передвижения. Учитывая важность конкурентной репродуктивной динамики, следует, что понимание истории деторождения и рождаемости в Нигере также предполагает пристальное внимание к бесплодию. В другом месте я утверждала, что политики уделяют мало внимания последствиям страха перед бесплодием или субфертильностью. В Нигере, как и во многих других странах Африки, бесплодие и вторичное бесплодие являются очень значимыми аспектами социальной и эмоциональной жизни; изменение репродуктивного поведения таким образом, чтобы замедлить темпы роста населения, требует гораздо более серьезного внимания к глубокой проблеме бесплодия. Это простое наблюдение идет вразрез с широко распространенным в СМИ и во многих политических кругах рассуждением о кризисе перенаселения [Cooper 2013]. Наконец, тенденция современных СМИ, освещающих вопросы здравоохранения в Нигере, направлена на косвенное обвинение матерей как в перенаселенности, так и в недоедании младенцев, превращая женщин в проблему, а не в умелых интерпретаторов окружающего мира, действующих в условиях и ограничениях не по своему выбору [Cooper 2007, 2009].

Учет рождаемости

Откуда же взялся этот акцент на перенаселении? Классическая мальтузианская модель предполагает, что рождаемость должна снижаться, когда численность населения превышает необходимые для жизни ресурсы; произойдет ли это снижение в результате голода или полового сдерживания — вопрос истории и политики. Ключевым соотношением в мальтузианском подходе является производственный потенциал по отношению к потребляющему населению в предположении о фиксированных национальных границах и неподвижности населения. Если способность окружающей среды производить больше продовольствия не растет с той же скоростью, что и численность населения, то можно легко предсказать плачевный исход, если население не изменит свое потребление [Malthus 1798]. Мальтус критиковал английские законы о бедных за то, что они ограничивали мобильность рабочей силы и стимулировали вступление в брак, тем самым не позволяя беднякам откладывать деторождение или вовсе отказываться от него.

Дискуссии о народонаселении доминировали на интеллектуальной арене XVIII–XIX веков, однако официальная теория демографического перехода формировалась медленно. Только в 1945 году демограф Фрэнк Нотестейн сформулировал общее описание трех этапов демографического перехода, опираясь на современное понимание истории Западной Европы⁴. На первом этапе в результате баланса между высокой рождаемостью и высокой смертностью устанавливается длительное равновесие в численности населения. На втором этапе, когда условия благоприятствуют снижению смертности, численность населения становится нестабильной, она растет, что приводит к резкому изменению возрастной структуры общества, появлению большого числа молодых иждивенцев по отношению к стареющему населению. Но со временем и осознанием того, что выживет больше детей, наступает третий этап. Рождаемость снижается,

⁴ Обзор истории теории демографических переходов см. в [Kirk 1996].

что приводит к более приемлемому соотношению иждивенцев и трудоспособного взрослого населения и формирует новое равновесие.

Но какие условия приводят систему в неравновесное состояние и с помощью каких механизмов население приспосабливается к ним? В качестве движущих сил демографического неравновесия и перенастройки Нотестейн рассматривал модернизацию, урбанизацию и индустриализацию: по мере снижения значимости семейного производства образование становилось все более важным фактором социальной мобильности, а затраты на воспитание детей росли. Его описание было не столько «теорией», сколько своеобразным обзором закономерностей на фоне дискуссий о глобальном продовольственном обеспечении [Notestein 1945]. Очевидно, что такая модель требует доработки в свете ее соответствия или несоответствия конкретным обществам и историям. Историки и демографы сотрудничали в рамках Принстонского проекта «Европейская рождаемость» Ансли Коула, чтобы как можно полнее задокументировать историю снижения рождаемости в Европе, в частности, проверить связь между экономическими изменениями и сокращением численности населения.

То, что они обнаружили, было удивительно — а именно, что экономика сама по себе не может объяснить закономерности, обнаруженные в процессе перехода к рождаемости; очевидно, что здесь также присутствуют мощные культурные элементы [Coale, Watkins 1986]. Урбанизация и индустриализация не обязательно предшествовали снижению рождаемости, а поведение рождаемости могло распространяться независимо от социально-экономического развития. Очевидно, что решения о рождаемости не были простым результатом грубого экономического расчета. Тем не менее в целом прослеживается определенная закономерность: смертность всегда снижалась первой, что приводило к быстрому росту населения до снижения рождаемости. В результате естественный «импульс» роста населения создавался самим фактом наличия большего числа женщин детородного возраста, чем в прошлом. Даже при снижении рождаемости на-

селение могло продолжать быстро расти, и часто так и происходило. С другой стороны, снижение рождаемости, начавшись, редко сходит на нет, оно тоже имеет своеобразный импульс.

Поиск причин снижения рождаемости или ее отсутствия всегда был сопряжен с политическими трудностями — ведь первоначальная работа Мальтуса представляла собой антиутопический аргумент об извращенных стимулах законов о бедных. Контекстом для оригинальной формулировки Нотестейном теории переходного периода был экономический климат первой послевоенной эпохи и необходимость обеспечить мир достаточным количеством продовольствия. Энсли Коул и Эдгар Гувер проявляли интерес к коэффициентам зависимости в эпоху холодной войны, поскольку США возвышались над Европой в качестве лидера мирового развития [Coale, Hoover 1958]. Современные дебаты о народонаселении — это, по сути, дебаты о стоимости долга, помощи и развития, о том, как возлагать ответственность за изменение окружающей среды, и о привилегированности индивидуальной деятельности над социальным благом. Трудно разделить политические мотивы для культурных аргументов и культурные мотивы для политических аргументов. Многие историки и демографы пытались прийти к какому-то выводу об относительной значимости «структурных» (экономика и рациональность) и «надструктурных» факторов (культура, религия, ценности или идеология). В этой книге я обращаю внимание на политическое использование аргументов о культуре, но это не означает, что я считаю культуру неважной. Я с подозрением отношусь к попыткам любой стороны сбрасывать со счетов переплетение политической экономии и социокультурной практики, именно в силу совпадения биологического, социального и повседневного воспроизводства в теле и жизни женщин.

Какие бы споры ни велись среди политиков и теоретиков, от женщин в Западной Африке ожидают, что они будут рожать детей, кормить семьи и культивировать социально приемлемые модели поведения. Среди наиболее важных выводов, сделанных в ходе последних исследований репродукции в Африке, можно назвать то, что для женщин состояние, когда они на протяжении

большей части своей жизни подвергаются своего рода этическому испытанию, поскольку другие оценивают их успехи или неудачи с точки зрения репродукции, создает огромное телесное и эмоциональное напряжение. Они никогда не станут женщинами до тех пор, пока не проявят себя как матери, а их дети, в свою очередь, не произведут на свет правильно воспитанных детей. Успех неясен, учитывая нестабильность окружающей среды, экономики и политической ситуации в регионе. Памела Фельдман-Савелсберг указывает на беспокойство, которое испытывают женщины в регионе Камеруна, где выращиваются травяные поля, в связи с тем, что на них возложена ответственность за воспроизводство населения (производство детей, воспроизводство общественных структур и пропитание семьи). Женщины испытывают воплощенные угрозы своей идентичности, социальному положению и эмоциональному благополучию, как в случае с женщиной, которая «соматизировала свои психологические и социальные трудности как боль в животе и интерпретировала их в рамках угроз ее детородной способности»⁵. Воплощенный опыт репродуктивной конкуренции между супругами объединяет страх и зависть в токсичное присутствие, которое само по себе может стать причиной бесплодия.

Женщинам приходится оправдывать эти тяжелые ожидания в условиях структурного насилия, которое зачастую делает невозможным воплощение идеала хорошей матери. Вместо этого неудачи в развитии регулярно приписываются «культуре» женщин. Неудивительно, что, как недавно отметила Эллен Фоли, женщины воспринимают взвешивание детей в клиниках питания как метод оценки их как хороших или плохих матерей, не желая сообщать, что ребенок болен [Foley 2010: 149]. Такие неявные суждения деполитизируют продовольственную безопасность и экономическую уязвимость, превращая женщин в «ответственных» агентов, которых нужно просто «поставить в известность» о правильном питании или репродуктивной практике. Неспособность подчиниться таким требованиям рассматривается

⁵ См. [Feldman-Savelsberg 1999: 30; Villarosa 2018; Geronimus 1994].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru